

Дурной порог

являются порогами, поскольку в русле нет выраженного уступа. Правильно будет охарактеризовать их как мощные перекаты с беспорядочно разбросанными по дну крупными валунами. Но это несколько не умаляет суровости этих мест в большую воду. Сколько лодок здесь перевернулось!

Посидев на бревне возле гремячей воды и сделав традиционные записи в полевом дневнике, я повернул в обратный путь. Птиц было мало. Возможно, из-за зноя. Но несколько дней назад, когда я уже приходил сюда прохладным утром, отмечались те же вокалисты. Сейчас разнообразие в ансамбль добавили травяные лягушки — они потихоньку «пели», а лучше сказать, негромко рычали в небольшой лесной луже. И у них настала пора любви...

Одинокая кедровка вылетела из-под берега и недовольно заверещала на меня. С этой пёстрой птицей было всё ясно: у неё уже давно прошёл брачный период, и теперь где-то в гнезде на ёлке просят есть подрощенные птенцы.

К двум часам я добрался до избы научного стационара, развесил по жердям мокрую от пота одежду и вознамерился укрыться в деревянной хижине до вечера. Но взгляд как-то сам собой зацепился за белую трясогузку, собирающую собачью шерсть для выстилки гнезда. Поражает доверчивость этих пичуг к людям. На заповедном хуторе, расположившемся в устье реки Лыпы, трудами семьи Смирновых существует пять строений, и почти в каждом устраивает себе гнездо парочка трясогузок.

В это время из крон ближайших деревьев раздаётся залихватская разбойничья трель. Далеко не всем известно, что так заявляет о своём присутствии самка кукушки. Это самцы благозвучно и неутомимо кукуют. Самкам же нет нужды особо рекламировать себя.

Ещё одним признаком завершения весны является исчезновение пролётных птиц. Ещё вчера на поляне Лыпинского хутора порхали группы краснотелых коньков, которые гнездятся в полярной тундре, а сегодня их уже не

стало. Видимо, тепло торопит их на родину. Однако пора убираться с солнцелёка...

Наконец-то маленькая стрелка на циферблате уткнулась в цифру «шесть». Можно считать, что наступает вечер. Облачившись в костюм лешего и забросив за спину рюкзак с аппаратурой, отправляюсь вверх по Лыпье к месту, где оборудовано укрытие. Из скрадка можно наблюдать и фотографировать околоводных птиц.

Вскоре я уже затихаю на своём наблюдательном пункте перед видискателем фотоаппарата. Громоздкий объектив закреплён на треноге штатива. Некоторое время никто не появляется поблизости. Слышно, как бурлит река, борясь с корягой, перегородившей ей путь. В кроне пихты надо мной перепархивает пеночка. Потом её заменяет серенькая синица-пухляк, которая лазает по стволу дерева в поисках насекомых, и древесная труха сыплется на капюшон моего лешачьего облачения.